

Интерпретация представленных идеальных типов социальной солидарности, по мнению Я. Капеллера и Ф. Волькенштейна, дает возможность комплексного анализа современной политической динамики. Многомерный подход к пониманию солидарности позволяет увидеть взаимосвязь этого феномена с ключевыми социально-политическими проблемами и их отражением в официальном дискурсе и политической аргументации.

А.Ю. Долгов

2014.03.010. ХИТЛИН С., ВЭЙЗИ С. НОВАЯ СОЦИОЛОГИЯ МОРАЛИ.

HITLIN S., VAISEY S. The new sociology of morality // Annual rev. of sociology. – Palo Alto (CA), 2013. – Vol. 39, N 1. – P. 51–68.

Ключевые слова: социология морали; определение морали; моральный порядок; моральное поведение; ценности; моральные нормы; моральная идентичность.

Стивен Хитлин (Университет Айовы, США) и Стивен Вэйзи (Университет Дюка, США) отмечают, что после полувекowego спада внимания общественных наук к исследованию морали наблюдается возрождение интереса к морали в социологии. В отличие от других наук, социология прежде всего рассматривает определяющую роль социальных факторов, разнообразие культурного содержания морали и ее социальные функции. В социальных науках ученые долго искали ключ к пониманию природы моральных систем. Авторы упоминают идеи А. Смита о связи экономических обменов и моральных чувств, концепцию морали Э. Дюркгейма, которая в его понимании отражает организацию общества, марксистское понимание морали как исторически случайной социальной системы, связанной с классовым господством, и трактовку морали М. Вебером как мира ценностно-рациональных действий. Однако в XX в. социологи стали значительно меньше полагаться на такие термины, как «нравственность», «нравы» и «мораль». Авторы проследили использование этих понятий в двух журналах – «American journal of sociology» и «American sociological review» с начала их выпуска (1895-й и 1937 г. соответственно) до конца 2011 г. С начала и до середины XX в. эти термины использовались в соотношении примерно один термин на тысячу слов; пик использования пришелся

на 40-е и 50-е годы, после чего последовал более чем двукратный спад.

Наиболее вероятной причиной этого спада авторы считают сведение этой сферы исследования к теоретическим категориям Т. Парсонса: «моральным нормам» и «моральному консенсусу»¹. Эти понятия у Парсонса были связаны с сверхсоциализированной моделью личности, а его теория ценностей никогда не была подкреплена эмпирически. Авторы считают, что в структурно-функционалистской теории мораль стала фактически синонимом конформизма, а акцент на интернализации и соблюдении норм и ценностей был несовместим со стремлением социологии 60-х годов XX в. работать с такими объективистскими понятиями, как ресурсы или власть. Еще одной причиной данного спада авторы называют широкое внедрение и использование статистического анализа в социологии, ведь моральные переменные измерить сложнее, чем доход или возраст. Социология того времени фокусировалась на рассмотрении социальных конфликтов и социальной стратификации, что привело к игнорированию вопросов морали и предположению, что мораль скрывает под собой реальные интересы. В целом, поскольку изучение морали было связано в основном со структурно-функционалистской теорией, оно стало менее популярным вследствие критики и падения интереса к этой социологической школе. Но, по мнению авторов, нет причин полагать, что данная отрасль исследований менее важна сегодня, чем во времена отцов-основателей социологии [с. 52–53].

Исследования морали бурно развиваются в психологии и нейрофизиологии. Однако эти исследования преимущественно связаны с вопросами функционирования мозга в ситуации морального выбора и с изучением влияния на моральное поведение человека отдельных систем мозга. Современные дискуссии в этой области психологии и нейрофизиологии в основном фокусируются на логическом мышлении людей в процессе формирования моральных суждений и на том, как на это мышление влияют эмоции и бессознательные реакции человека. Однако авторы статьи обеспокоены тем, что чем больше ученые погружаются в исследование мозга, чем

---

¹ Toward a general theory of action: Theoretical foundations for the social sciences / Ed. by T. Parsons, E.A. Shils. – Cambridge (MA): Harvard univ. press, 1951. – P. 22, 25.

больше акцентируются биологические и психологические исследования морали, тем больше остаются без внимания социологические исследования в этой области, направленные на изучение социального контекста морали. Вместе с тем авторы констатируют, что в социологии возникает новый подход к морали, который характеризуется следующими чертами. Новая социология морали связана больше с веберовской традицией, нежели с подходом Дюркгейма; мораль рассматривается в отношении к разным группам, а не к обществу в целом, как более сложный и комплексный феномен. Иначе говоря, религии, социальные движения, профессии, поколения рассматриваются как имеющие собственную мораль. Моральный обмен (*moral sharing*) существует на многих пересекающихся и конкурирующих уровнях, а моральные мотивации (*moral motivations*) сосуществуют и конкурируют друг с другом наряду с неморальными интересами (*nonmoral concerns*). Мораль может не только интегрировать группы, но также быть предметом торговли, шантажа, спора и социальной эксклюзии. Новая социология морали выходит за рамки понятий социальных норм и ценностей, принимая во внимание также личности, институты, нарративы, символические границы и когнитивные схемы. Свидетельством развития новой социологии морали являются создание новой секции в Американской социологической ассоциации «Альтруизм, мораль и социальная солидарность», а также выход в свет сборника работ по социологии морали¹ [с. 53–54].

Согласно авторам, новая социология морали гетерогенна в своих методах, постановке исследовательских вопросов и гипотез, и поэтому авторы стремятся найти для всех этих направлений нечто общее. Сегодня не существует единой социологии морали, есть различные «социологии морали». Однако социология морали все-таки существенным образом отличается от психологического подхода к морали и отличает ее уровень анализа. Социологию больше интересуют организации, группы, нации и институты, чем отдельные индивиды, которые если и рассматриваются, то в соотношении с какой-либо социальной группой. Авторы выделяют три существенных отличия социологического понимания морали. Первое –

---

¹ Handbook of the sociology of morality / Ed. by S. Hitlin, S. Vaisey. – N.Y.: Springer, 2010.

определение морали. Социологи скорее исследуют социальные и исторические разновидности того, что определяется как моральное, а не исходят из субстантивного и фиксированного определения того, что есть мораль, как это делается в психологии. Второе – мораль рассматривается как *зависимая переменная*; социологи исследуют социальные процессы, которые формируют и поддерживают конкретные представления о морали, а не фокусируются на эволюционных или биологических источниках морали. Третье – мораль берется в качестве *независимой переменной*; социологи пытаются понять, как мораль влияет на стратегии поведения в реальном времени и социальном контексте, а не основываются на лабораторных экспериментах, посредством которых изучается влияние морали на суждения и отдельные действия. Эти различия, по мнению авторов, обуславливают различия в исследовательских вопросах. Социологам интересны социальные источники морали, различные представления о морали, ее социальные последствия, а не универсальные характеристики морали. Тем не менее авторы считают, что необходимо междисциплинарное сотрудничество в исследовании такого сложного явления. Далее авторы рассматривают каждое из выделенных отличий и указывают на новые разработки в социологических исследованиях морали [с. 54–55].

Рассматривая проблему *определения морали*, Хитлин и Вэйзи пишут, что в социальных науках термин «мораль» используется в двух различных смыслах: *универсальном* и *формальном*. В первом значении мораль отсылает к универсальным стандартам плохого / хорошего, верного / неверного и связана с вопросами справедливости, честности и вреда, а прилагательное «моральный» по своему смыслу включает такие понятия, как «хороший», «просоциальный» или даже «альтруистичный», и противоположно понятию «аморальный» (immoral). Когда мораль используется в этом значении, то ученые могут дифференцировать индивидов, группы или социальные структуры по степени их моральности. Второе определение морали, формальное, содержит понимание плохого / хорошего, верного / неверного, которое различается в зависимости от принадлежности к группе или отдельным людям. Мораль отсылает к представлениям индивидов и социальных групп о том, какое поведение лучше, а какое – хуже, во что люди должны верить, что они должны чувствовать и что делать. Противоположным понятием

будет скорее «неморальный» (nonmoral) или «морально неуместный». Моральным тогда признается только то, что считают таковым индивид или группа.

Основываясь на работе Дж. Абенда¹, авторы выделяют также *насыщенное* (thick) и *ненасыщенное* (thin) понимание морали. Ненасыщенное понимание, по их мнению, соотносится с допустимостью какого-либо поступка в конкретных, хотя и гипотетических ситуациях, и включает в себя относительно простые моральные суждения о добре, зле, допустимости и целесообразности этого поступка. Насыщенное понимание морали включает в себя не только отдельные действия, но и моральные идентичности акторов и воспроизводящиеся социальные практики, а также процесс становления социальных институтов. Это понимание идет дальше допустимости и целесообразности отдельных поступков и включает в себя более широкий социальный контекст и различные определения морали. Авторы считают, что социологи будут скорее заинтересованы в *формальном* и *насыщенном* понимании морали [с. 55].

В последние несколько десятилетий в области классификации разных типов морали было проведено множество исследований. Авторы приводят в пример работу «Привычки сердца...» Р. Беллы и его коллег как исследование, в котором задействовано формальное и насыщенное понимание морали². В этом исследовании на основе исторического материала и качественных интервью были описаны четыре моральные культуры в США и в соответствии с этим выделены четыре типа личностей: экспрессивный индивидуалист, утилитаристский индивидуалист, гражданский республиканец (civic republican) и адепт Библии (biblical). Авторы называют и другие исследования, значимые для этой области. Это работы Дж. Хантера «Смерть персонажа» и «Культурные войны», в которых он продолжает работу Р. Беллы и обозначает моральные ориентации

---

¹ Abend G. Thick concepts and the moral brain // European j. of sociology. – Cambridge, 2011. – Vol. 52, N 1. – P. 143–172.

² Habits of the heart: Individualism and commitment in American life / Bellah R.N., Madsen R., Sullivan W.M., Swidler A., Tipton S.M. – Berkley: Univ. of California press, 1996.

в образовании и политике¹. У. Бейкер на основе вышеуказанных работ создает новую классификацию морали, выделяя моральный абсолютизм и моральный релятивизм, и делает попытку проверить эту классификацию, сравнивая различные культуры² [с. 56].

Авторы вышеперечисленных работ стремятся объяснить мораль в наиболее общем и абстрактном виде; другой способ типологии связан с моральными различиями в конкретных сферах жизни общества. В качестве примера рассматривается работа М. Ламона «Деньги, мораль и нравы». В ней выделяются три различных вида символических границ – социально-экономические, моральные и культурные, на которые полагаются люди различных профессий для того, чтобы определить ценность себя и других³ [с. 57].

Несмотря на то что внимание психологов традиционно сфокусировано на универсальных характеристиках морали, в современной психологии появились исследования, в которых разрабатываются типологии культурных различий в понимании морали. Поскольку психологи интенсивно работают над надежностью инструментария своих исследований, социологам необходимо аккумулировать результаты этих исследований. Авторы выделяют два психологических подхода, достойных внимания. Первый – работы Ш. Шварца и У. Билски по типологии ценностей, использующейся в десятках стран для измерения различий между личностями и группами в выборе моральных приоритетов⁴. Используемый учеными «Опросник профиля ценностей» (Portrait values questionnaire), распознающий десять конкурирующих ценностей, включен с 2002 г. в Европейский социальный опрос (European social survey)⁵. Это де-

---

¹ Hunter J.D. The death of character: Moral education in an age without good or evil. – N.Y.: Basic books, 2000; Hunter J.D. Culture wars: The struggle to define America. – N.Y.: Basic book, 1991.

² Baker W. America's crisis of values: Reality and perception. – Princeton (NJ): Princeton univ. press, 2005.

³ Lamont M. Money, morals and manners: The culture of the French and the American upper-middle class. – Chicago (IL): Univ. of Chicago press, 1992.

⁴ Schwartz S.H., Bilsky W. Toward a psychological structure of human values: Extensions and cross-cultural replications // J. of personality a. social psychology. – Wash., 1990. – Vol. 58, N 5. – P. 878–891.

⁵ Portrait values questionnaire. – Mode of access: <http://www.mcole-psy.com/LTU-Misc1/CharEduc/Portrait-Values-Questionnaire.pdf>; European social survey. – Mode of access: <http://www.europeansocialsurvey.org/>

лает его перспективным источником вторичных данных для социологических исследований. Второй подход был разработан Дж. Хайдтом и его коллегами и именуется «теорией моральных оснований» (moral foundation theory, MFT). Если работы Шварца позволяют определить различия в моральных приоритетах, то модель Хайдта направлена на изучение изменений в моральных запретах, что позволяет выйти за пределы понятий справедливого и вредного и включить в список моральных оснований такие понятия, как авторитет, верность, духовная чистота. Ученые, работающие в этом направлении, подготовили «Опросник моральных оснований» (Moral foundations questionnaire) для изучения различий в моральных ориентациях отдельных индивидов¹. Однако авторы отмечают, что такие общие типологии и методы измерения могут не подойти для исследования отдельных сфер социальной жизни [с. 57].

Мораль как зависимая переменная. Современные социологи, опираясь на классиков, продолжают изучать мораль в зависимости от таких факторов, как нация, класс и религия. Авторы приводят в пример работу Р. Инглхарта и У. Бейкера, где мораль рассматривается как часть истории страны, ее культурной зоны (cultural zone), которая практически не зависит от экономического развития². Также заслуживает внимания исследование М. Ламона и Л. Тевено, которые показали, что различные исторические и культурные траектории обеспечивают людей различными репертуарами оценивания (repertoires of evaluation)³. Авторы замечают, что таких работ немало, но каждый исследователь пользуется своим набором факторов и методов исследования, поэтому их трудно сравнивать и синтезировать общие теоретические положения [с. 58].

---

¹ Moral foundations: Questionnaires. – Mode of access: <http://www.moralfoundations.org/questionnaires>; Mapping the moral domain / Graham J., Nosek B.A., Haidt J., Iyer R., Koleva S., Ditto P.H. // J. of personality a. social psychology. – Wash., 2011. – Vol. 101, N 2. – P. 366–385.

² Inglehart R., Baker W.E. Modernization, cultural change and the persistence of traditional values // American sociological rev. – Wash., 2000. – Vol. 65, N 1. – P. 19–51.

³ Lamont M., Thévenot L. Rethinking comparative cultural sociology: Repertoires of evaluation in France and the United States. – N.Y.: Cambridge univ. press, 2000.

Наиболее важными, по мнению авторов, являются работы, посвященные изучению процессов, под влиянием которых меняются моральные значения в отдельных институциональных порядках. В. Зелизер изучила то, как менялось отношение к страхованию жизни и к детям с точки зрения ценностей¹. В исследовании С. Куинн рассматривалось, как табуированные трансакции на рынке страхования становятся морально приемлемыми, как моральная риторика института страхования превратила священное отвращение (*sacred revulsion*) от этих сделок в потребительское утешение (*consumerist consolation*) и рационализированное примирение (*rationalized reconciliation*) участников². Работы К. Хейли, посвященные пожертвованию крови и органов показали, что моральные смыслы существуют не только в человеческом мышлении, – также важны организационные посредники, обеспечивающие обмен между донорами и потребителями³. Еще одно направление, разрабатываемое в экономической социологии, связано с пониманием морали как ключевого измерения рыночных отношений. М. Фуркад и К. Хейли полагают, что «рынок является выраженной моральной проекцией»⁴ [с. 59–60].

Авторы отмечают, что исследования социального процесса морализации и институционализации ни в коем случае не ограничиваются экономикой. Моральные процессы наблюдаются учеными в различных политических событиях, социальной политике, пищевом поведении, социальных движениях. Объединяет такие различные исследования в социологию морали признание того, что моральные оценки и категоризации являются важнейшей частью противостояний в разных социальных сферах. «Моральные предприниматели» (*moral entrepreneurs*) борются друг с другом с целью

---

¹ Zelizer V.A. *Morals and markets: The development of life insurance in the United States*. – N.Y.: Columbia univ. press, 1979; Zelizer V.A. *Pricing the priceless child: The changing social value of children*. – Princeton (NJ): Princeton univ. press, 1994.

² Quinn S. *The transformation of morals in markets: Death, benefits and the exchange of life insurance policies* // *American j. of sociology*. – Chicago (IL), 2008. – Vol. 114, N 3. – P. 738.

³ Healy K. *Last best gifts: Altruism and the market for human blood and organs*. – Chicago (IL): Univ. of Chicago press, 2006.

⁴ Fourcade M., Healy K. *Moral views of market society* // *Annual rev. of sociology*. – Palo Alto (CA), 2007. – Vol. 33, N 1. – P. 299.

оценки социальных акторов и персон, а также с целью определения того, какие практики будут разрешены, а какие – запрещены. При этом мораль связана не только с социальными изменениями и конфликтами, но и служит основой социальной солидарности. Этому посвящены отдельные исследования, в том числе упомянутая выше работа «Привычки сердца» и исследование протестантов С. Смитом, в котором он пришел к выводу, что их общая моральная идентичность способствовала солидарности и организованности поведения¹. С. Вэйзи продемонстрировал, что моральное соглашение является куда более мощным предиктором солидарности, чем общий доход и привычные социальные практики². Однако, по оценке авторов, работы по социальной солидарности не являются доминирующими в современной социологии морали. По их мнению, одним из наиболее важных достижений социологии в исследованиях морали может стать изучение процесса институционализации морали.

Мораль как независимая переменная. В отличие от большинства исследований морали в психологии и философии, где рассматриваются моральные оценки в гипотетической ситуации и действия в лабораторных условиях, в социологии изучается, как мораль мотивирует поведение в реальной жизни. Социологи пытаются понять, как общая мораль, которая не является гомогенной, взаимодействует с моральными смыслами в конкретных ситуациях и соответственно определяет человеческое поведение. Авторы отмечают, что двумя ключевыми моментами теории Парсонса, которые были незаслуженно забыты, являются интернализация моральных норм и их роль в ориентации действия. Эта позиция подверглась критике, вызвавшей глубокий скептицизм в отношении мотивационной силы моральных верований. Однако исследования в других науках позволили социологам отступить от этого скептицизма. Находки в психологии морали выявили часто фиксируемый конфликт

---

¹ Smith C. American evangelicalism: Embattled and thriving. – Chicago (IL): Univ. of Chicago press, 1998.

² Vaisey S. Structure, culture and community: The search for belonging in 50 urban communes // American sociological rev. – Wash., 2007. – Vol. 72, N 6. – P. 851–873.

между моральным мышлением и моральной интуицией¹. Еще одно открытие, отмечаемое авторами, заключается в том, что интернализация моральных смыслов необязательно проходит прямым образом, но может осуществляться через подражание, наблюдение и участие в социальных практиках². Эта более сложная модель позволяет социологам работать с моральными мотивациями без критического отношения к концепциям Парсонса. В частности, авторы отмечают работы М. Блэр-Лой, в которых исследуется влияние моральных представлений о карьере и семье на мотивацию молодых женщин³. Тем самым выявляется связь между интернализированными моральными ориентациями и стратегиями действий.

Новые направления в социологически ориентированной социальной психологии показывают схожие результаты. С. Хитлин на основе модели ценностей Ш. Шварца включил в рассмотрение морали теорию идентичности: он интегрировал идею о мотивационной роли личностной идентичности в теорию ролевых, ориентированных на группу социальных идентичностей⁴. Таким образом, он рассмотрел личностную идентичность как моральный конструкт. Исследователи, работающие в рамках теории идентичности, также стали анализировать моральную идентичность. Серия исследований Дж. Стетса и М. Картера устанавливает связь между теорией идентичности и социологией морали посредством понятия «моральная идентичность»⁵. В этих исследованиях моделируются типы взаимодействия между моральной идентичностью личности и моральными смыслами ситуации, в которой принимается решение действовать тем или иным способом [с. 60–61].

---

¹ Haidt J. The emotional dog and its rational tail: A social intuitionist approach to moral judgment // *Psychological rev.* – Wash., 2001. – Vol. 108, N 4. – P. 814–834.

² Lizardo O. «Mirror neurons» collective objects and the problem of transmission: Reconsidering Stephen Turner's critique of practice theory // *J. for the theory of social behaviour.* – Oxford, 2007. – Vol. 37, N 3. – P. 319–350.

³ Blair-Loy M. *Competing devotions: Career and family among women executives.* – Cambridge (MA): Harvard univ. press, 2003.

⁴ Hitlin S. Values as the core of personal identity: Drawing links between two theories of self // *Social psychology quart.* – Wash., 2003. – Vol. 66, N 2. – P. 118–137.

⁵ Stets J.E., Carter M.J. A theory of the self for the sociology of morality // *American sociological rev.* – Wash., 2012. – Vol. 77, N 1. – P. 120–140.

Еще одной значимой экспериментальной исследовательской программой авторы называют исследование влияние институционального порядка и личных моральных ориентаций на помогающее, альтруистическое поведение. Б. Симпсон и Р. Уиллер продемонстрировали, что моральные ориентации личности взаимодействуют с социальными факторами и мотивируют разную степень помогающего поведения¹. Они выяснили, что эгоисты вносят вклад в общественное благо, когда они могут улучшить свою репутацию, альтруисты вносят свой вклад независимо от этого. Помогаящее поведение изучается в последнее время как в социологии, так и в социальной психологии. С позиции авторов, такая интеграция необходима, но в данном направлении еще очень многое предстоит сделать. Для этого социальным психологам нужно расширить определение морального, а также учесть, что в других культурах моральными могут признаваться действия, не входящие в предустановленную классификацию. Авторы также предлагают социологам использовать довольно надежные методы измерения морали в психологии и объединять их с социологическими методами, такими как этнографические методы, интервью и панельные опросы [с. 61–62].

В целом авторы надеются, что будущее социологии морали будет связано с более интенсивным междисциплинарным сотрудничеством между социологией и психологией. Однако авторы не поддерживают психологический редукционизм в социологии и выступают против широкого использования результатов нейрпсихологии и нейробиологии. Здесь необходимо взаимное обогащение в тех областях исследования, где интересы этих наук пересекаются с интересами социологии. Авторы также отмечают, что относительно трех осей (определение морали, мораль как зависимая переменная, мораль как независимая переменная), вокруг которых построена статья, существует определенная напряженность. С ней придется столкнуться будущим исследователям. Необходимо быть осторожными при использовании таких конструктов, как репертуары оценивания (*repertoires of evaluation*), и с предположением, что моральные верования напрямую связаны с действиями. Также Хит-

---

¹ Simpson B., Willer R. Altruism and indirect reciprocity: The interaction of person and situation in prosocial behavior // *Social psychology quart.* – Wash., 2008. – Vol. 71, N 1. – P. 37–52.

лин и Вэйзи предлагают исследователям попытаться найти связи между широкими культурными темами, как в работе «Привычки сердца», и мезоуровнем социального порядка, где моральные столкновения происходят в отдельных сферах общества – религии, семье и экономике. Важно также исследовать и обратное: как изменения в отдельных институциональных порядках могут отразиться на общем моральном и культурном процессе. Это позволит рассматривать динамику моральных культур, не конструируя их в качестве связанных систем, как это было в структурном функционализме [с. 63–64].

В заключение авторы излагают собственное видение новой социологии морали. Новая социология морали вовсе не обязательно должна четко фиксировать свои дисциплинарные границы. Исследователи теперь могут быть связаны нестрогой областью исследования, которая ищет изменения в моральных смыслах, связывает их развитие с социальными процессами и выделяет тот потенциал моральных смыслов, который может оказать влияние на поведение. В таком варианте ученые будут работать как свободная сеть исследователей во множестве исследовательских сфер, что создаст благоприятные условия для широкого распространения идей социологии морали и обмена знаниями между представителями разных дисциплин [с. 64].

*А.А. Бызов,
О.А. Симонова*

2014.03.011. МЕЛОНИ М. МОРАЛИЗАЦИЯ БИОЛОГИИ: ПЛЮСЫ И МИНУСЫ БЛАГОСТНОГО ВЗГЛЯДА НА ПРИРОДУ¹.

MELONY M. Moralizing biology: The appeal and limits of the new compassionate view of nature // History of the human sciences. – L., 2013. – Vol. 26, N 3. – P. 82–106.

Ключевые слова: моральный мозг; альтруизм; природное и моральное; нейроисследования морали.

В статье Маурицио Мелони (Школа социологии и социальной политики Ноттингемского университета, Великобритания) обсуждаются новейшие концепции морали и ее генезиса в рамках

---

¹ Реферат подготовлен при поддержке РФФИ, проект № 14-06-00381.